

Когда он разглядел номер на экране, его зрачки заметно сузились. Если бы Чэн Лан не поддерживал его, он, вероятно, упал бы на землю.

В одно мгновение в его голову хлынули тысячи мучительных слов.

— Я тоже не хочу умирать!!!

— Приходи ко мне, хорошо?

— Ничтожество! Как может существовать что-то столь отвратительное, как ты!!!

— Почему ты не вернулся!! Почему ты не вернулся!! Домой!! Возвращайся домой!!!

Цзян Дун не знал, сколько сил потребовалось, чтобы отклонить вызов.

Он даже не заметил заботливого взгляда и тревожного выражения лица человека рядом с ним. Дрожащими пальцами он открыл WeChat, и экран на мгновение завис, после чего, как и ожидалось, появилась куча сообщений.

Больше всего сообщений было от одного контакта — 98.

— Цзян Дун?

Смартфон вдруг исчез из его поля зрения, и в следующий момент его плечи сжались. Похоронная процессия ещё не ушла далеко, и траурная музыка, казалось, била прямо в сердце.

Голос Чэн Лана раздался у него в ушах, заставив его и без того тревожное сердце сжаться.

— Цзян Дун... ты здесь? — снова спросил голос.

Почему он так спрашивает?

Я здесь.

Куда ещё я могу быть?

Я сказал, что не буду отвечать на её звонки, и если она позвонит, я сброшу.

Мне нужно удалить её сообщения, чтобы их как будто не существовало.

— ...Смартфон. — Дай мне.

Голос Цзян Дуна дрожал, и в следующее мгновение он схватил руку Чэн Лана с такой силой, что тот невольно вскрикнул от боли.

Но Чэн Лан не выполнил его просьбу. Когда боль утихла, он приблизился к Цзян Дуну, глядя в его глаза, которые смотрели куда-то вдаль, и после некоторого колебания тихо спросил:

— Ты хочешь позвонить? Или написать в WeChat?

Эта сцена невольно напомнила ему о недавнем происшествии.

И тогда он услышал, как Цзян Дун снова сказал:

— Смартфон.

Дай мне быстрее!

Похоронная процессия дошла до края деревни, и рыдания почти заглушились удаляющейся траурной музыкой.

Чэн Лан не знал, что с ним происходит, но интуитивно понимал, что это как-то связано с вибрировавшим телефоном. Он колебался, давать ли ему телефон или нет. Его брови уже непроизвольно сдвинулись, сердце сжалось от напряжения.

К счастью, большая часть людей уже ушла, и он просто обнял Цзян Дуна, притянул его к себе и начал мягко похлопывать по спине, непрерывно успокаивая:

— Всё в порядке, ничего не случилось, смотри, никто на тебя не смотрит, никого здесь нет, не бойся.

Он давно заметил, что Цзян Дун иногда начинает нервничать без видимой причины.

Это случалось нечасто, но, если подумать, такие моменты проявлялись во многих незаметных местах.

Не только в тот раз на смотровой площадке, когда Цзян Дун вдруг в панике позвал его, но и раньше.

Например, когда он увидел одинокую фигуру на улице с интернет-кафе.

Недавно он не хотел отпускать его, возможно, тоже из-за... нервозности?

Чэн Лану было больно, и он чувствовал себя бессильным.

Он продолжал гладить Цзян Дуна по спине, словно успокаивая кошку, хотя сам не был уверен в своих действиях.

Если ничего не изменится, похоже, что у Цзян Дуна... проблемы с психикой?

Но он всегда был нормальным, за исключением тех странных случаев, которые можно было объяснить особенностями характера. В большинстве случаев Цзян Дун был просто интересным и привлекательным парнем.

В чём же дело?

— Чэн Лан.

Этот голос вырвал Чэн Лана из его размышлений.

Он отбросил эти мысли, обнял Цзян Дуна ещё крепче, как тот утешал его в тот день на бетонной трубе возле фабрики полотенец:

— Я здесь. Тебе лучше?

Он услышал, как Цзян Дун засмеялся, его голос звучал устало:

— Скажи мне.

Чэн Лан молча ждал.

Но следующие слова Цзян Дуна звучали бессвязно:

— Почему эти люди так радуются? На чьих-то похоронах, перед алтарём, они смеются, играют в карты, пьют и щёлкают семечки. За столом они едят, обливаясь жиром. Этот динамик, я смотрел на него всё время, пока был здесь. Звук был негромкий, я думал, что это траурная музыка, или, на худой конец, фортепианная пьеса. Но когда я прислушался, это оказалась «Desert Camel»? Почему? Кто-то умер...

Разве не должно быть грустно?

Хотя бабушка Лю умерла в почтенном возрасте, отправившись в мир иной.

Но зачем так радоваться?

Услышав его длинный монолог, Чэн Лан почувствовал облегчение. Он даже не заметил, как тихо выдохнул.

Немного подумав для вида, он засмеялся:

— Это очевидно. Посмотри, в алтаре лежит самая старшая в семье, она видит, как её потомки, соседи и знакомые веселятся, как свиньи, и, конечно, умирает с улыбкой на лице.

— Ха... — Цзян Дун рассмеялся, и Чэн Лан почувствовал, как его тело дрожит от смеха. Видимо, Цзян Дун уже пришёл в себя. — Что за бред ты несёшь?

— Я думаю, она именно так и думала, — Чэн Лан отпустил его, пожал плечами, мысленно уже поклонившись бабушке Лю. — Пойдём, мы закончили, поедем домой.

Цзян Дун на мгновение замер, затем быстро кивнул, готовясь улыбнуться.

Но тут волдырь на губе дёрнулся, и он тут же нахмурился.

В тот же вечер, вернувшись домой, Цзян Дун начал температурить.

Чэн Лан первым заметил, что его лицо выглядит нездоровым, и, словно по наитию, приложил руку ко лбу, после чего его лицо стало серьёзным.

Цзян Дун ещё не чувствовал себя плохо и отмахнулся от его руки, подумав, что, возможно, слишком сильно его толкнул и разозлил.

Но через две минуты Чэн Лан вернулся и, не говоря ни слова, сунул ему градусник под мышку. Через пять минут, вынув его, он увидел, что температура — 37,5, классическая субфебрильная.

— Тебе плохо? Голова кружится? — с беспокойством спросил Чэн Лан, держа градусник.

Цзян Дун пожал плечами:

— Совсем нет.

Затем он сам потрогал лоб, но, возможно, температура руки и лба была одинаковой, и он не

почувствовал жара, удивлённо спросив:

— У меня действительно температура?

Чэн Лан смотрел на него некоторое время, затем вздохнул, положил градусник в пластиковый коробок и встал:

— Я пойду за лекарством.

К этому времени старики уже ушли спать, и Чэн Лан, взяв градусник и найдя лекарство, налил воды. Бабушка, которая обычно спала чутко, проснулась от шума в гостиной и первым делом подумала, что в дом забрались воры. Наспех накинув халат на пижаму, она приоткрыла дверь и выглянула.

В гостиной не было света, и свет из комнаты освещал спину Чэн Лана.

Узнав, в чём дело, бабушка первой зашла в их комнату и, увидев на кровати Цзян Дуна, который уже начинал чувствовать недомогание и слегка морщился, воскликнула:

— Как так вышло? Простудился? Почему температура? Надо ли вызывать врача?

Цзян Дун не успел ответить, как из-за двери раздался голос Чэн Лана:

— Не так всё серьёзно, молодой организм справится. Иди спать, я здесь.

— Если организм сильный, то почему температура? Может, я нагрёю воды, и ты протрёшь его спиртом? Когда ты был маленьким, я так делала, и наутро всё проходило.

Цзян Дун поспешно отказался:

— Не надо, бабушка, я в порядке. Чэн Лан уже нашёл лекарство, я его выпью и лягу спать. Вы тоже идите отдыхать, уже поздно.

После их настойчивых уговоров тревога на лице бабушки немного утихла, и она, обернувшись несколько раз, позволила Чэн Лану проводить её в комнату.

Закрыв дверь, он спросил Цзян Дуна:

— Может, всё-таки протереть спиртом?

Цзян Дун с каменным лицом:

— Не надо.

Его лицо постепенно покраснело, возможно, от температуры, а возможно, от смущения, что он не мог скрыть от Чэн Лана, и он стал ещё более невозмутимым:

— Где ты будешь спать?

Чэн Лан сел на стул:

— Я посижу здесь всю ночь.

— Иди на диван.

— Нет, — покачал головой Чэн Лан, внимательно изучая его лицо. После приёма лекарства эффект ещё не наступил. — Если ночью тебе станет хуже, я сразу же отвезу тебя в больницу.

Цзян Дун удивился:

— Ты не будешь спать?

— Буду, я не могу не спать. Но если тебе станет плохо, просто постони, и я проснусь.

— А? — удивился Цзян Дун.

<http://bllate.org/book/15499/1374912>